

За стеклом

Евген Столітенко

Теперь я понял: ещё с самого утра во мне возникла эта странность. С начала просто казалось, что плохо умылся, но постепенно эта пелена перед глазами проявлялась всё сильнее и сильнее. Не видимая, но осязаемая плёнка постепенно затягивала моё зрение, восприятие медленно менялось, а главное — и самое страшное — что как-то незаметно изменилось и отношение ко мне окружающих.

Куда я иду в такой дождь по одной из центральных улиц города, среди встречных потоков прохожих, в рабочее время? Домой? Сейчас? Если по делам, то почему пешком, есть же служебный транспорт. Моё движение затруднено, перед глазами вниз стекает вода, как по лобовому стеклу автомобиля при не работающих "дворниках". Но я пытаюсь наблюдать за ними, проходящими мимо: ещё ни один не взглянул на меня, все головы опущены. Боятся не вступить в лужу? Или же каждый настолько погружён в свои мысли? Интересная получится механика, если посмотреть на всё это с какой-нибудь крыши. Даже шум дождя цикличен, как в заводском цеху. В движении автомобилей своя периодичность, регулируемая светофорами. Но даже они кажутся более живыми, чем люди, они более резки и активны. Ревут моторами при ускорениях, посвистывают тормозами, изредка сигналият. Эти же идут плавно, молча, не отвлекаясь, все вместе будто подчинены единой цели, каждый выполняет свою функцию, обслуживая определённое звено в общей цепи.

А в метре от моего лица текут струи дождя. Дальше терпеть это невозможно. И тут случается взрыв: я, человек в костюме с галстуком, давно подчинившийся правилам, бросаюсь на одного из идущих, пытаюсь схватить за руку. Но он движется дальше, не обращая внимания, потому что у меня ничего не получается. Я за невидимой преградой. За стеклом? Резкие движения вправо, влево, попытки сбить плечом проходящих мимо. Нет никакого стекла. Но всё безрезультатно. Я не могу никого достать. И они как будто не замечают моих намерений. Обходят бестолково вставшего у них на пути человека и продолжают путь.

Я бьюсь о стекло, которого нет. Я для них есть, но мои попытки прикоснуться, схватить, позвать, наконец, ударить — всё это проходит мимо них, в пустоту. Волосы и одежда уже вымокли полностью, я вижу, что то же происходит и с прохожими, но мы будто в параллельных мирах, разделённых прозрачной перегородкой. Или все они спят на ходу, или накачаны нейрорептиками, или наркотиками. Зомби.

Я чувствую, насколько для меня сейчас важно проникнуть к ним, встряхнуть, взбудоражить, привлечь к себе внимание. Но как это сделать? И зачем? Может, затем, чтобы ощутить, понять, что я есть, живой, что я не в их среде, что всё это какое-то наваждение.

Сейчас мысли приходят на уровне импульсов, вспышек. Раздеваюсь. Лихорадочно стягиваю с себя одежду. Стою голый. Никто не остановился, ничего не изменилось.

Хотя бы одно живое лицо, хоть бы один взгляд искоса, какая-нибудь настороженность или, наоборот, ухмылка, заговорщицкий прищур — это было бы уже что-то, не заинтересованность, но какая-то тень отношения, положительного или отрицательного — всё равно. А так — пустота, отдающая чем-то жутким, отсутствием человеческого. Не безразличие даже, а просто ничего.

Просто меня вроде нет.

Никакой реакции на обнажённое тело посреди улицы. Наверное, дело во мне. Я сейчас в неадекватном состоянии, что-то случилось с психикой. Хотя подсознательно я чувствую, что нет, причина другая. Она где-то рядом, очень проста, но для меня сейчас недоступна, скрыта завесой, которую непонятно как поднять.

Я принимаю дерзкое решение ввалиться голым к себе в офис. Там все меня знают, и это будет хорошим консервным ножом, если и они законсервированы. Из тех женщин, которых я могу там встретить, две, с задёрганными нервами, вскрикнут, будто их внезапно ударили сзади по спине, одна, выдавшая виды, расхохочется, молоденькие просто остолбенеют. Сосед по комнате, с которым мы вместе начинали работать десять лет назад, найдёт прекрасный повод поизощряться в иронии и гротеске по отношению ко мне, мокрому, видимо, неудачно посетившему баню в обеденный перерыв. И так далее. Главное, что они среагируют, обнаружат моё существование.

Но на работе всё это стало ещё более удручающим. Через пару минут пребывания в офисе я понял, что бесполезно демонстрировать им свою наготу, поскольку её всё равно никто не заметит. Когда я отправился домой, то сообразил, что сослуживцы вступили со мной в, так сказать, рабочий контакт, они видели во мне, опять же, лишь звено в цепи совместной деятельности, не переходя на личностный уровень.

Открывая дверь своей квартиры, я думал о жене уже как о последней надежде. На мгновение промелькнула мысль о том, что если вот сейчас мои мозги прочистятся, или прозреют, и восприятие окружающих снова сместится в правильную плоскость, насколько же анекдотично это будет выглядеть. И такой анекдот, кстати, может закончиться весьма печально.

— Привет, — встретила она меня как ни в чём не бывало.

— Здравствуй, — выдохнул я.

Дальше можно было и не спрашивать, неужели, мол, и ты ничего не замечаешь. Я прошёл в комнату, бросил мокрые вещи на диван и одел сухие.

— Голоден?

Мы давно уже разговаривали такими вот односложными предложениями, особенно по вечерам, когда я приходил с работы. Видимо, вести длительные беседы было не о чем, друг о друге мы, как казалось, знали всё. Мне даже подумалось, что последние годы мы поддерживали контакт, необходимый лишь для совместного существования. Трудно с этим смириться, но пожалуй, так же относишься, например, к еде, или к телевидению, которые являются неотъемлемой частью твоей жизни и от которых нельзя отказаться. Да, вот так сильная некогда любовь выродилась в отношение друг к другу как к нужным предметам домашнего обихода.

После обычного молчаливого ужина, одного из тех, что повторялись в моей жизни несчётное количество раз, я тихо, незаметно проскользнул за дверь квартиры и по лестнице выбрался на крышу дома. Продолжать проверки уже не было ни смысла, ни психических сил. Моя душа была надорвана и, похоже, не выдержала этого злого испытания, внезапно обрушившегося на неё. Только внезапного ли? Может, наоборот, всё это долго накапливалось во мне, чтобы сегодня проявиться, политься через края чашки. Обычной фарфоровой чашки, из которой я, как обычно, без четверти восемь пил свой обычный утренний чай и из которой же пару минут назад пил чай за своим обычным ужином. Распахнув последнюю дверь, макушкой я почувствовал близкое дыхание неба. Странно, что, прожив в этом доме столько лет, я ни разу не взбирался сюда, на крышу. Хотя в детстве, совсем в другом месте города, мне доставляло удовольствие шататься с двумя такими же странноватыми друзьями по этим безлюдным площадкам, особенно если дом был огромным и переход по крыше из одного корпуса в другой представлялся целым путешествием по запутанному лабиринту.

Я подошёл к краю и перегнулся через преграждающий, но отнюдь не исключающий возможности преодоления бордюр, который по периметру окаймлял крышу. Внизу ночь озарялась светом фар приезжающих во двор автомобилей, немногочисленных горящих окон, ярким миганием вывесок ночных магазинчиков, занимающих первый этаж дома. Помню, что в этот момент не было никаких мучительных мыслей, никаких решений, вообще мыслей. Всё произошло мгновенно. Опора двумя руками о бордюр, обе ноги сами, как будто это движение тренировалось не один год, отрываются от асфальта, буквально пару секунд полёта, когда все внутренности в животе вздымаются вверх, и последний, самый быстрый штрих — неприятное, брезгливое ощущение смятки, как если давишь рукой муху. Но только с жутким привкусом, потому что муха — это ты.

Я смотрю на месиво внизу на асфальте, из которого торчат обломки костей, только что бывшие руками и ногами, и у меня снова нет мыслей. Рядом паркуется джип, из него выпрыгивает сидевший за рулём мужчина, такой большой, сочный, живой, настолько контрастирующий с тем, что лежит у его ног, что становится дурно. Он обходит это, едва не наступая дорогими туфлями, и спокойно степенно направляется домой.

У меня нет мыслей. Или я не хочу об этом думать.

2003 г.